

МОЙ УНИВЕРСИТЕТ

Анкета для сотрудников и выпускников разных лет

1. Ваша первая встреча с университетом. Что запомнилось?
2. Студенты Вашего времени – какие они? Чем интересовались, что читали, о чем спорили, чем увлекались? Можно ли сказать, что это было подлинное студенческое братство?
3. Преподаватели-кумиры. За что их любили? Каким был стиль общения, какими были они сами?
4. Опишите факт, случай, событие из тех, что остаются в памяти на всю жизнь.
5. Уровень постановки учебной, научной, воспитательной работы с точки зрения сегодняшнего дня.
6. Можно ли сказать, что диплом УрГУ – со знаком качества? Если да, то почему? Если нет, тоже – почему?
7. Набросайте портрет Вашего лучшего друга-сокурсника. Как сложилась его судьба?
8. Если у Вас есть дети, хотели бы Вы, чтобы они окончили УрГУ?
9. Если бы Вам пришлось начать все с начала, куда бы Вы поступали?
10. Если Вы знакомы с работой зарубежных университетов, как выглядит УрГУ на их фоне?
11. Ваше отношение к сегодняшнему студенчеству?

НА ВОПРОСЫ АНКЕТЫ ОТВЕЧАЮТ:

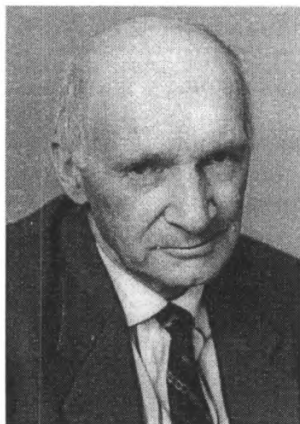
А.К. Матвеев

доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН,
заслуженный деятель науки РФ

«БУДЬ ЩЕДРЫМ – И УЧЕНИКИ НЕПРЕМЕННО ОТЗОВУТСЯ»

Не являюсь выпускником УрГУ, поэтому отвечаю только на некоторые вопросы.

1. Февраль 1952 года. В качестве начинающего ассистента-преподавателя латинского языка и античной литературы первый раз захожу в преподавательскую на втором этаже университетского здания по ул. Народ-

ной воли, где теперь СИНХ. И вижу: в одном углу восседает Павел Александрович Шуйский (добрый, но внимательный взгляд, неизменная палочка) – это мой начальник, заведующий кафедрой классической филологии и автор новых переводов «Илиады» и «Одиссеи», занят беседой с симпатичной, немного над-

менной Ариадной Бажовой (кажется, кандидатом исторических наук), на другой стороне, тоже в кресле, ерзает жгучий брюнет Михаил Григорьевич Китайник, известный в то время фольклорист, очень энергичная и колоритная личность. Ерзает он не зря: над ним возвышается совсем юный кандидат философских наук Лев Наумович Коган и громовым (уже тогда!) голосом о чем-то вещает, не давая Китайнику и рта открыть. Еще одно кресло – тоже в углу – было свободно. Я его оккупировал, и началась моя университетская жизнь, с первых дней поразившая выпускника провинциального хабаровского вуза счастьем великой свободы общения, даже и в те суровые времена.

4. Летом 1958 года я с группой студентов был в диалектологической экспедиции на севере Пермской области. Там мы нашли старый скит, буквально заваленный старопечатными книгами и рукописями. Посмотрели, потрогали, но мы же не археографы, да и выбирались пешком – не унести было... Оставили мы все это богатство лежать до лучших времен, однако В.В. Кускову, специалисту по древнерусской литературе, я все в подробностях рассказал. Тот зело возрадовался и предложил организовать специальную поездку за этими книгами. Так я первый и единственный раз стал участником и даже начальником археографической экспедиции.

Готовились долго и тщательно. Владимир Владимирович написал знаменитому ученому-древнику Малышеву (из Пушкинского Дома), спрашивал совета, целесообразен ли маршрут. Малышев наш маршрут всецело одобрил.

И вот отправились. Путь был не из легких. Достаточно сказать, что в конце пришлось километров сто пройти по старой дороге, местами так заваленной буреломом, что казалось, идешь на уровне второго этажа. Как мы там ног не поломали... Дошли наконец. До пустого скита. За две недели до нас по указанию Малышева трое его сотрудников вывезли все археографические ценности...

5. Несопоставимы.

Конечно, были на нашем историко-филологическом факультете яркие личности (тот же П.А. Шуйский, М.Я. Сюзюмов, К.В. Сальников и др.), но не было продуманной системы спецкурсов, наука развивалась как-то хаотично. На факультете в послевоенные годы не было ни одного доктора филологических наук, хотя лекторов можно вспомнить очень ярких, например, Павла Акимовича Вовчка с его «Введением в языкознание».

6. Надеюсь, что наш факультет готовит хороших специалистов, но можно было бы многое еще сделать. Мешает плохая языковая подготовка в школах, далекий от совершенства учебный план, не предусматривающий фундаментальных филологических знаний, наконец, наша ужасная бедность, которая не позволяет развивать научную работу, как она этого заслуживает.

8. А они (пусть не в полном составе) и окончили УрГУ: сын Андрей и дочь Анна – выпускники факультета журналистики.

11. Нормальное. Студент стал прагматичнее, но такая жизнь. Способных и хороших студентов очень много. А все остальное зависит от преподавателя: будь щедрым – и ученики непременно отзовутся.

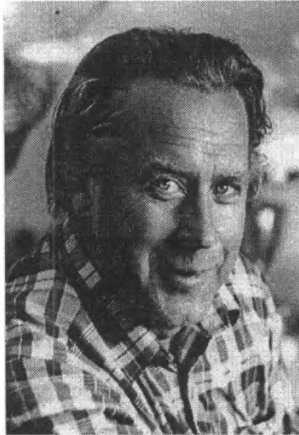
В. П. Крапивин

выпускник факультета журналистики (1961), писатель, организатор детского творческого объединения «Каравелла» (1965)

«МОЛОДОСТЬ ХОРОША ТЕМ, ЧТО ОНА У ЧЕЛОВЕКА ОДНА»

1. Я приехал в Свердловск из родной Тюмени, где окончил школу. Приехал поступать на отделение журналистики. По правде говоря – без особой надежды на успех (без «трудового стажа», с троечным аттестатом и единственной публикацией в газете – стихотворением об окончании школы!) Первое впечатление – ошарашивающее: слух среди всезнающей «абитуры», что конкурс «на журналистов» тринадцать с половиной человек на место! И куда это я сунулся из провинции, со своим фанерным чемоданчиком!.. Однако поступил, сдавши все пять экзаменов на «отлично». Оказывается, «провинция» давала неплохие знания...

2. Студентов интересовало все. Политика, книги, вопросы мироздания, музыка... Помню, как безбилетные студенты взяли приступом филармонию, когда академический хор из Риги исполнял там «Реквием» Моцарта (кажется, это был 58-й год)... И братство было настоящей. Мы, трое друзей, жили на частной квартире крепкой коммуной – общие деньги, общие тайны, совместно сочиненные песни, соавторство в работе над фантастической повестью (правда, так и недописанной), общая зеленая лампа и вечера с гитарой... Было горячее сочувствие Б. Пастернаку и В. Дудинцеву, «разгромленному»

за его роман «Не хлебом единым»...

3. Не знаю, следует ли называть любимых преподавателей кумирами, но благодарность к ним – до сих пор. Б.В. Павловский был первым читателем моего первого рассказа («Пручка»), написанного карандашом на тетрадных листках; он рекомендовал его в университетскую много-

тиражку. Б.С. Коган, В.А. Шандра, Л.Н. Коган, Ю.М. Стадлер (преподавательница немецкого языка), З.А. Янтовский (редактор университетской газеты)... сейчас всех по памяти и не перечислить. Они учили нас любить свое дело, давали настоящие знания и относились как к своим коллегам. Очень любим нами был П.А. Вовчок, преподававший языкознание и стилистику. Помню, как на первой лекции он поразил нас заявлением, которое в ту пору могло вполне показаться крамольным: «Не верьте книгам, друзья. В книгах написано гораздо больше ложного, чем истинного...» Это был добрейшей души человек. Ходила легенда, что он лишь один раз в жизни поставил студенту «неуд». Тот не знал ничего, и Павел Акимович дал бедняге текст с готовым ответом, чтобы он переписал и ответил, но несчастный не смог сделать и этого. Павел Акимович сокрушенно вздохнул: «Ну, что я

могу поделаться, коллега...» Говорят, он очень переживал после этого...

4. Случаев, которые запомнились, множество. Но вот два эпизода, которые вспоминаются с особенно теплым чувством. В те несколько свободных дней, которые выпали между окончанием вступительных экзаменов и традиционной отправкой «на картошку», я приехал домой и показал маме новенький студенческий билет. Помню, какие счастливые были у нее глаза... И еще. В начале четвертого курса я дождался счастливого мига: «Вечерний Свердловск» (это вам не многотиражка!) напечатал мой рассказик «Восьмая звезда» (с него я отсчитываю свой официальный писательский стаж). И вот в аудитории перед началом лекции однокурсники обступили меня, хлопают по плечу, намекают, что надо бы «обмыть» и предсказывают блистательную судьбу российского классика. Кое у кого – скрытые нотки зависти, но это добрая зависть, она всегда помогала нам не расслабляться и в творческих делах тянуться друг за другом... Я скромно улыбаюсь и думаю: «Один рассказ напечатан, еще два почти дописаны. Глядишь, когданибудь наберется и на книжку. А что? Не боги горошки обжигают...»

5. Кажется, на этот вопрос я уже ответил в пункте № 3. Многих из нас, студентов, угнетало обилие «партийных» дисциплин (это кошмарный объем марксистских первоисточников, зубрежка съездов, конференций, резолюций, постановлений и т. д.), но ироничное отношение к официальным постулатам служило кое-каким противовесом...

6. Насчет диплома – не знаю. Я ни разу в жизни его никому не предъявлял и никогда им не хвас-

тался, поскольку после четырех лет журналистской работы ушел на «творческие хлеба». Но всегда гордился, что я – выпускник УрГУ. И, по-моему, это звание ценилось и ценится всеми.

7. Моим наиболее близким товарищем на курсе был Валерий Кичин. Мне нравились его добрый характер, эрудиция, интеллигентность. Подкупало его умение «проникнуть в шкуру» другого человека, почувствовать настроение и мысли собеседника. Он прекрасно знал музыку (окончил музыкальную школу), и это тоже сближало нас... Сейчас В. Кичин живет в Москве, он известный кинокритик, часто выступает в «Известиях» и «Литгазете».

8. У меня два сына. Старший тоже окончил УрГУ, физический факультет. Сочетание «физических» знаний и литературных склонностей привело его к газетной работе. Он в нескольких редакциях занимается секретарской деятельностью и компьютерной версткой. Младший занят музыкой, поэтому в университет не пошел.

9. Мне никогда не хотелось «начать все с начала». Молодость хороша тем, что она у человека одна. Я вспоминаю ее со светлым чувством, она всегда со мной, и я счастлив, что в 1956 году судьба привела меня в наш университет (а то ведь мог угодить в педагогический институт или в морское училище, как планировал сначала).

10. Мне приходилось встречаться со студентами в Варшаве, Веймаре, Гаване, но эти встречи были короткими, «одноразовыми», и какого-то устойчивого впечатления о жизни тех вузов не оставили. К тому же, мне кажется, УрГУ незачем «выглядеть на чьем-то фоне». Он прекрасен сам по себе. По крайней мере, таким он

был в мои студенческие годы. Надеюсь, и сейчас он не хуже.

11. Времена меняются. Меняются нравы, технологии, воззрения и т. д. Многое мне у нынешних студентов кажется непривычным и даже неприемлемым. Но я не из тех пенсионеров, которые считают долгом вдоль и поперек критиковать «нынешнюю молодежь». Нас в пятидесятых годах пожилые люди тоже критиковали. У каждого поколения своя жизнь, свои приоритеты. В последнее время мне приходилось немало встречаться со студентами нашего города, и я видел у них живой интерес к жизни и желание сделать эту жизнь лучше. Мне кажется, это – главное.

Родному университету в день юбилея

Виват, Alma mater!
На наших висках
Лежит седина,
словно пудра.
Но юность мы помним –
она нам близка!
Мы помним
наставников мудрых!

Мы помним
мучительных сессий угар,
Колхозные грядки
с картошкой
И песни, что пели
под рокот гитар,
И даже науки
(немножко)...

Вл. Д. Мазуров

выпускник математико-механического факультета (1962),
доктор физико-математических наук (1975), профессор

«НАШ УНИВЕР – ПРЕКРАСНАЯ СТРАНА»

Моя первая встреча с университетом... Летом 1957 года я приехал из Златоуста в Свердловск и явился на приемную комиссию. Так вот, первое, что поразило, – это дружеское обращение членов комиссии и то, что они толково и внятно объяснили, что мне дальше делать. До этого я встречал обычное у служащих холодное и чуть ли не презрительное отношение ко мне. И дальше как-то пошло все гладко и чинно, я как будто попал в другую страну. Желтое здание «универа» на Куйбышева мне показалось не соответствующим понятию «вуз», но зато внутри были просторные коридоры и аудитории.

Абитуриенты размещены были в огромных аудиториях на улице Народной воли (сейчас это УрГЭУ-СИНХ), ряды коек уходили в туманную даль. Я заметил, что почти все абитуриенты были высокого мнения о себе, особенно физики – те прямо говорили о перспективах нобелевских лауреатов. Как ни странно, они во многом оказались правы. Просто Но-

белевский комитет оказался не на высоте.

Первые лекции по математике открыли мне совсем уже фантастический, блистающий мир. Что преподавалось в школе – это каменный век. Как мне повезло! Ведь я мог

поступить куда-нибудь в другое место учиться! А так – как будто я из крепостных крестьян попал сразу в высшее общество.

Кроме того, что все студенты считали себя гениями, почти все они были теми, кого сейчас называют шестидесятниками (только они не осознавали этого): их вдохновляла кибернетика, генетика, матлогика (официально все это было под запретом); физики были главнее лириков, но в то же время кумирами были Евтушенко, Вознесенский, Ахмадулина. Было время научной фантастики. Все было волшебным. И девушки были почти так же хороши, как нынешние.

Матмех всегда был сильным, преподаватели – ученые с мировыми именами. Валентин Константинович Иванов в курсе функционального анализа так хорошо говорил о сферах! Оказывается, сферы бывают разными, в том числе и негладкими. За словами алгебраистов всегда угадывалась гармония.

Сергей Николаевич Черников на своих лекциях собирал весь факультет – и студентов, и преподавателей. Его лекции – высшее искусство, он держал в напряжении интригой линейных неравенств. Студенты других факультетов! Вы должны рыдать, ибо никогда не узнаете этого! А это – самое главное.

Однажды к нам в общежитие пришел человек с сияющими глазами и наэлектризованной прической. Он сказал, что доказал теорему Ферма. Чтобы нам снять с себя возникшую проблему, пришлось срочно искать ошибку в доказательстве. Но потом он все равно много раз приходил, а мы от него бегали. Вот это было одно из ярких воспоминаний – потому что в нем было что-то неординарное. И вместе с тем кошмар. Ужас так близок, он рядом.

Наш «универ» – прекрасная страна, мир счастья. Иногда так хочется отделиться от остального мира высокой крепкой стеной! И уже то хорошо, что на вахте стоят люди в камуфляжной форме.

В.П. Долматов

выпускник факультета журналистики (1976), главный редактор журнала «Родина»

«СТУДЕНЧЕСТВО – ЭТО НЕ ВОЗРАСТ, А ОБРАЗ ЖИЗНИ»

1. Отдав документы в приемную комиссию, выхожу через главный вход. И мне кажется, будто прохожие завистливо смотрят на меня как на человека, причастного к этой громаде – УрГУ. Вернулся в вестибюль, потоптался, выхожу во второй раз. Опять смотрят!.. Это странное ощущение от встречи с вузом (а

позади уже была, правда недолгая, учеба в Московском институте нефтехимической и газовой промышленности) живо во мне до сих пор.

2. Говорили: о девушках, о «Зеркале» Тарковского, о новой повести Тендрякова, о статьях А. Аграновского, снова о девушках, о ночной разгрузке вагонов, о сессии, о конс-

пектах по ленинской теории печати (могут ли они быть вообще у кого-то?), о стихах Вознесенского... о Ницше, Боге и супе из брикета (за 5 к.). О еде говорили чаще всего (анекдот моего времени: «Нашли археологи дневник студента УрГУ 70-х годов. Открыли: «17 марта – кушать хочется. 18 марта – кушать хочется. 19 марта – кушать хочется. 20 марта – стипендия. 21 марта – не помню. 22 марта – не помню. 23 марта – не помню. 24 марта – не помню. 25 марта – кушать хочется...»).

Проще написать, о чем мы не говорили: о политике, о карьере, о моде (мужики, по крайней мере).

3. Отношения с преподавателями, в зависимости от их психофизиологических свойств характера, строились по-разному. Шкала ценностей от Чичеланова (декана) – до Агнии Ивановны, которой достаточно было вместо ответа на вопрос признаться: «Агния Ивановна, как я люблю стихи Маяковского!» Все! Старушка с упоением предавалась воспоминаниям о своих встречах с поэтом. «5» в зачетку обеспечена. Любили за снисходительность, веселый нрав Александрова (секретарская работа), Бухарцева. «Чичелова» боялись, но уважали за профессионализм. Из «чужаков» обожали Павермана (зарубежная литература), Викторова (научный атеизм), благодаря которому не я один вернулся к Богу.

4. Жили весело и бестолково. Но эти воспоминания интересны только для нас, учившихся в ту пору...

5. Я обрел лучшего друга на студенческой скамье – Сашу Яранцева. Нам посчастливилось побывать вместе еще пару лет в Сибири, где я работал собкором «Советской России». Он чувствовал кровную связь со всеми гонимыми: с зеками за решеткой, с нищими на паперти, с «дурачками», которых толпа провожает под улюлюканье и свист... Это в нем от русской всеотзывчивости, вожделения справедливости в нашем грешном мире. Саша был провидец: в стихах предсказал и дату своей смерти, и место, где его похоронят. Погиб он из-за ошибки врачей в 84-м, и место его в моем сердце не занято.

6. Наша редакция дружит с национальными немецким и английским историческими журналами, и, честно скажу, «Родина», по их представлениям, – лучше, интереснее, содержательнее (а сравните-ка бюджеты всех трех изданий!). В этом признании и оценка нашего УрГУ, по крайней мере факультета журналистики – точно!

7. Студенчество – это не возраст, а образ жизни, и в сути своей он не меняется. Что касается выбора, то к образованию журналиста я бы прибавил что-то конкретное: историка, экономиста... Уметь писать, чтобы писать, – сегодня мало.

В.В. Эйдинова

выпускница историко-филологического факультета (1952),
профессор кафедры русской литературы XX в. Уральского университета

МОЙ УНИВЕРСИТЕТ

1. С самых первых встреч с университетом он дал мне удивительное чувство свободы: свободы вхождения в мир большой и прекрасной Науки и свободы в ощущении собственных – пусть небольших, робких, – но моих, личных шагов в этот мир.

2. Студенты послевоенных университетских лет были очень разными – по их культуре, среде, воспитанию (рядом учились вчерашние школьники и фронтовики, дети и взрослые), но нас объединяла настоящая влюбленность в литературу и филологию. Мир моего студенчества, думается, можно было бы назвать миром филологического сообщества, филологического содружества.

3. Этот дух – высокой Литературы и высокой Науки – открывался нам в лекциях самого широкого факультетского профиля: и в языкознании, и в литературоведении, и в истории языка, и в истории литературы, начиная от античности и кончая русской и зарубежной современностью. И несли нам эту атмосферу подлинного искусства и подлинной науки те из преподавателей, кто был наполнен и знанием своего предмета, и действительной привязанностью к нему. Таких, настоящих филологов, которые учили нас, было не так уж много. Но именно они (как, например, замечательный лектор и человек, Борис Федорович Закс, как влюбленные в язык и литературу Григорий Евсеевич Тамарченко, Владимир Владимирович Кусков, Павел Акимович Вовчок, Александра Петровна Громова, Лев Наумо-

вич Коган) открывали нам не только научные, но – человеческие и духовные глубины литературы и искусства.

4. Человечность и простота были знаком и той атмосферы, которая существовала в те университетские годы между преподавателями и студентами. Лучшие из наших педагогов в профессиональном плане оказывались в то же время и лучшими людьми в общении с нами. Все они – в той или другой мере – знали о нашей внеуниверситетской жизни, интересовались ею, переживая вместе с нами какие-то сложные моменты личной судьбы каждого. Так, Григорий Евсеевич Тамарченко остается в моей благодарной памяти не только прекрасным научным руководителем, но и близким мне человеком, знавшим и понимавшим мои радости, трудности и заботы.

5. Думаю, что учебная работа в мои студенческие годы была более пестрой и стихийной, чем та, что характерна для сегодняшнего университета. Однако дух знания своего предмета и любви к нему – к литературе, к языку – был очень выраженным на факультете и заражал нас, направляя на поиск своего места и своего пути в открывающемся филологическом мире.

6. Поэтому и об университетском дипломе 50-х годов можно с уверенностью сказать, что он был подчеркнутым весомым. Таким его делала, во-первых, как я сказала, особая привязанность (эмоциональная и интеллектуальная) университетских людей, преподавате-

лей и студентов, к своему материалу, особая углубленность в его природу. А во-вторых, университетский диплом самых разных лет – это диплом, свидетельствующий о глубине и универсальности знаний, которые получают учащиеся нашего вуза.

7. Конечно, университетское образование – это образование, которое чрезвычайно много дает молодым людям, входящим в жизнь. И мне очень радостно оттого, что мой сын и мои внуки закончили наш университет, действительно подготовивший их для дальнейшего взрослого пути.

8. Точно так же, как я бы повторила свою жизнь (со всеми ее счастливыми и нелегкими минутами), я бы повторила и свою университетскую жизнь, которая мне всегда бесконечно дорога и необходима.

9. Сегодняшних студентов я очень люблю. Люблю – при всем том, что они отнюдь не всегда, как хотелось

бы, добросовестны и увлечены нашим общим делом. Мне чрезвычайно нравится в них самостоятельность и свобода от стереотипов, которые ведут почти каждого из них к поиску своего, особенного пути в жизни, профессии, науке. Если моему поколению это стремление к самореализации открывал именно университет, то нынешние ребята приходят в университетский мир уже с собственными представлениями и пристрастиями, которые корректируются в годы вузовской учебы. Вот эта явно выраженная (иногда – очень целеустремленно, иногда – неровно или эпатажно) направленность к осуществлению в науке, в профессии своего «Я» – представляется мне особенно привлекательной в сегодняшнем студенческом поколении, которое входит в мир с чувством значимости и своих, особенных ценностей, и ценностей, нужных людям и обществу.

Н. Е. Цыпина

выпускница филологического факультета Уральского университета (1972),
директор Свердловской областной научной библиотеки имени В.Г. Белинского

«ЭТО БРАТСТВО БЫЛО, ЕСТЬ И БУДЕТ»

1. *Ваша первая встреча с университетом. Что запомнилось?*

– 1966 год. Натертый паркет.

2. *Студенты Вашего времени – какие они? Чем интересовались, что читали, о чем спорили, чем увлекались? Можно ли сказать, что это было подлинное студенческое братство?*

– Это братство было, есть и будет.

3. *Преподаватели-кумиры. За что их любили? Каким был стиль общения, какими были они сами?*

– Закс, Кусков, Сюзюмов, Коган, Орлов и очень-очень многие. Это были яркие личности. Титаны.

6. *Можно ли сказать, что диплом УрГУ – со знаком качества? Если да, то почему? Если нет, тоже – почему?*

– УрГУ – это достойное образование и достойный диплом.

8. *Если у Вас есть дети, хотели бы Вы, чтобы они окончили УрГУ?*

– Они и окончили его.

9. *Если бы Вам пришлось начать все с начала, куда бы Вы поступали?*

– Только в УрГУ.

10. *Если Вы знакомы с работой зарубежных университетов, как выглядит УрГУ на их фоне?*

– Очень достойно.

11. *Ваше отношение к сегодняшнему студенчеству?*

– Люблю. Жалею. Завидую.